

УДК (94:271.2-86)+930(470)

Проблема старообрядчества в публицистике Я. В. Абрамова

Б. Б. Сажин

Общеобразовательная организация

«Средняя общеобразовательная школа “Карьера”», г. Москва

Аннотация. Статья посвящена мало изученному в историографии вопросу о роли и месте старообрядчества в публицистике одного из идеологов реформаторского народничества Я. В. Абрамова. Тема старообрядчества в творчестве писателя анализируется в рамках созданной им в первой половине 80-х гг. XIX в. теории «развития критической мысли». В работе в сжатом виде рассматриваются причины обращения Абрамова к теме староверия, основные положения его теории «развития критической мысли» и место в ней старообрядческой составляющей. Раскрывается историософский компонент доктрины писателя, в соответствии с которым определяющая роль старообрядчества в колонизационной модели образования Российского государства способствовала сохранению традиционных устоев жизни в противовес установившемуся с XVII в. самодержавно-крепостническому порядку. Внимание уделяется освещению народником социально-экономического механизма жизнедеятельности Выговского монастыря, ставшего образцовым маркером направления работы «критической мысли» русского народа в сторону создания коммунитарных типов человеческого общежития.

Ключевые слова: религия, старообрядчество, Я. В. Абрамов, народничество, теория «развития критической мысли», Выговский монастырь.

В 70–80-е гг. XIX в. проблема старообрядчества и религиозного сектантства становится одной из главных в идеологии народничества. В народных религиозных движениях многие народники, как революционные, так и реформаторские, надеялись увидеть воплощение исконно присущих, по их мнению, российскому крестьянству небуржуазных идеалов социального жизнеустройства. На теоретическом уровне данную проблему разрабатывали такие известные писатели, как А. С. Пругавин, И. И. Каблиц, Я. В. Абрамов.

В историографии, несмотря на существенное увеличение в последние годы количества исследований жизни и творчества Абрамова, вопрос об отношении народника к старообрядчеству не разработан. Существует несколько работ, в которых в той или иной мере характеризуется проблема религиозного сектантства в литературном наследии писателя [6, с. 12–14; 7, с. 24–29]. Целью статьи является освещение взглядов Абрамова на старообрядчество, на его место и роль в теоретических построениях народника.

Абрамов (1858–1906), уроженец Ставрополя-Кавказского, – один из самых ярких представителей реформаторского народничества, сторонник культурного

«просветительства» и «мирного прогресса на основе изучения тенденции развития народной жизни» [5, с. 193]. В первой половине 80-х гг. основной темой его литературной деятельности являлся вопрос о «религиозных отщепенцах». В этот период времени народник рассматривал пореформенное религиозное сектантство (именно к нему первоначально был обращен его интерес) как социальную силу в народе, способную в союзе с интеллигенцией противостоять развитию капиталистических отношений в крестьянском мире. Значение религиозных диссидентов подчеркивалось их способностью к творческой социальной деятельности, не только сохраняющей лучшие черты общинно-артельного уклада жизни, но и видоизменяющей его в рамках создания оригинальных общественных форм, построенных на коммунитарных принципах. Концептуально подобные воззрения были оформлены в виде доктрины «развития критической мысли», согласно которой неприятие частью русского народа буржуазных отношений вызывало рост религиозного сектантства, в пространстве которого осуществлялось нравственное и интеллектуальное развитие человека и поиск новых общественных образцов мироустройства. Схематически концептуально-системообразующий ряд в доктрине народника можно представить следующим образом: 1) изменение в социально-экономической и духовной сферах (развитие капитализма в пореформенной России), 2) «критическая работа мысли» в народных массах, 3) появление в деревне Евангелия, инициировавшего духовное возрождение человека, 4) рост нравственного уровня личности, 5) зарождение и становление религиозной секты, 6) поиск новых общественных образцов мироустройства и их последующая практическая реализация [8, с. 155].

Обращение к проблеме старообрядчества было вызвано желанием писателя объединить противников реформ патриарха Никона и религиозных сектантов в рамках общей концепции «развития критической мысли», показать укорененность в народной «почве» стремления к модернизации общинных форм жизни. Как отмечал сам народник, еще в конце XVIII столетия «среди беспоповцев высказывались мнения и распространялись учения, под которыми обеими руками подпишется новейший сектант» [2, с. 258]. По данной теме Абрамов опубликовал три статьи: «Выговские пионеры», «Статистические экспедиции. Из истории раскола» и «Уголок старообрядческого мира» [1; 3; 4]. Из них только первая работа носила теоретический характер.

Роль и место староверов в теории «развития критической мысли» Абрамова можно представить следующим образом. Возникновение старообрядчества объяснялось народником как реакция значительной части русского народа на изменения, произошедшие в политической и социально-экономической сферах жизни российского общества в XVII в. Сами изменения Абрамов оценивал крайне негативно, так как они значительно ухудшили жизнь большей части населения, оторвав его от традиционных основ повседневного существования. Народник отмечал: «Как известно, ко времени появления раскола старинное русское самоуправление и общинные порядки находились под сильным давлением централизованных стремлений московского правительства и его бюрократических порядков управления. Дальнейшая история России только усилила централизацию и бюрократизм и совершенно сгубила, даже из памяти народ-

ной вычеркнула областное самоуправление, а общинные порядки в значительной степени извратила, приурочив их, главным образом, к государственным потребностям» [1, с. 100]. Еще более усилился деспотизм власти в эпоху правления Петра Великого, «когда регламентировалась вся жизнь народа, закабалялась в определенные формы». Реформы первого российского императора принесли «жестокие страдания» русским крестьянам. На них непомерным грузом легли государственные подати. Также при Петре I «произошло окончательное закрепощение крестьян». Отсюда, делал вывод публицист, «масса страдала и страдала страшно; но самое ужасное было то, что она не понимала, ради чего страдает, не видела никаких разумных оснований, в силу которых на ее жизнь навалена страшная тягость» [1, с. 348–360].

По этим причинам из массы русского крестьянства выделились «протестанты», которые «отстаивали и старинное крестьянское право свободного передвижения и личной свободы, и исконное право земледельца на обрабатываемую им землю, и старинное русское самоуправление, и многое-многое другое». «Только благодаря такому глубоко-жизненному значению своему, – подчеркивал Абрамов, – раскол и мог увлечь за собою значительную часть русского народа и сыграть такую важную роль в нашей народной истории» [1, с. 90].

В чем же заключалась эта роль старообрядчества в русской жизни? Народник подчеркивал: «Раскол предохранил русскую народную расу от вырождения, обусловленного неблагоприятными условиями русской жизни последних двух столетий. Раскол сохранил экономическое благосостояние значительной части русского народа и в значительной мере содействовал развитию народных промышленных сил. Наконец, раскол явился чрезвычайно видным фактором расселения русского народа и колонизации им пустых, незаселенных пространств» [1, с. 90].

Важным для развития Российского государства представлялся, по мнению народника, колонизационный фактор в истории старообрядчества. Писатель отмечал: «Невольно приходится изумляться той силе, которую раскол обнаружил в этом деле и благодаря которой десятки миллионов десятин прежде диких земель сделались доступными пользованию русского народа и тем сильно увеличили общее народное богатство. Это мирное, культурное завоевание, совершенное расколом, без сомнения, несравненно важнее многих завоеваний, сделанных с помощью оружия» [1, с. 100].

На наш взгляд, колонизационный фактор следует осмысливать в совокупности с другими положительными функциональными характеристиками, данными Абрамовым старообрядчеству. В соединении с политическим, социальным, экономическим и этнографическим аспектами колонизационная составляющая старообрядчества свидетельствовала не только о спасении народных «устоев», но и о распространении их практически на всей новой территории страны. В данном случае под «устоями» понимались общинные порядки и социально-политическая организация населения в рамках самоуправляющихся ячеек общества. Народ, по мнению народника, не хотел отказываться «от своих желаний, надежд и убеждений» [1, с. 94]. Недовольные новым социально-экономическим и политическим строем старообрядцы восстали против «врагов

исконных русских порядков», потерпели поражение и решили «совсем уйти из-под власти государства и церкви, отрешиться от общества, строй и порядки которого были так ненавистны раскольникам, бежать в не заселенные, не занятые еще никем места и там начать устраивать новую жизнь «на всей своей воле» [1, с. 94–95]. Староверы, находясь вне зоны воздействия государственных структур, «не только жили старинною общинною жизнью и сохраняли старинную общинную организацию, но и развивали ее, сообразно новым условиям жизни». Абрамов утверждал: «Отдельные общины группировались по местностям и толкам в союзы, управлявшиеся свободно wybranными по общинам лицами. Отдельные союзы нередко также соединялись и образовывали федерации. Отсюда то сильное развитие общности у раскольников, которое замечено всеми исследователями раскола. Здесь же заключается объяснение высшего уровня политического развития раскольников сравнительно с остальною массою русского народа» [1, с. 100–101].

Как видно, старообрядчество у Абрамова выражало стремление русского крестьянства к самоуправлению и общинной жизни, задавленным московским и петербургским деспотизмом. Необходимо отметить замечание народника о модернизационном характере социальной организации старообрядцев. Собственно, федерация общин староверов как раз и представляла собою результат развития «критической мысли» в престолярной массе.

Первыми колонизаторами-старообрядцами являлись «старцы». Впоследствии их строгая и подвижническая жизнь возбуждала к ним со стороны окрестного населения «глубокое уважение и любовь». К ним начинал стекаться народ, «кто послушать их, кто временно пожить, кто остаться навсегда». Таким образом, вокруг старца образовывалась своя «паства», «вокруг его кельи строились избы – и основывалось поселение» [1, с. 107].

В таких поселениях-общинах и начиналась созидательная работа «критической мысли». При чем содержательное направление ее задавалось самими «старцами». Своими проповедями они убеждали население избрать тот или иной тип обустройства жизненного пространства. Например, один из основателей Выга, «старец» Корнилий, «проповедовал любовь ко всем людям... направлял все силы на то, чтобы убедить приходивших к нему создать большую общину, в которой все было бы общее и жизнь шла бы сообща». Слова «пустынника» легли на благодатную почву, и, как отмечал публицист, «он имел удовольствие перед смертью видеть осуществление своей проповеди в виде Даниловского общежития» [1, с. 106].

Выг для Абрамова и стал адекватным образцом практической реализации тех «идеалов», которые моделировала «критическая мысль» русского народа. Выгореция, по мнению народника, «указала раскольникам единственный доступный им путь к достижению самостоятельности, независимости и свободы от преследований, путь экономического совершенствования» [1, с. 384]. Этот «путь» заключался в создании коммунитарных хозяйств, функционировавших в рамках федерации самоуправляющихся общин-поселений. В статье «Выговские пионеры» народник достаточно подробно осветил внутренний механизм жизнедеятельности «пустынников». «Общественное устройство Выгореции, –

отмечал писатель, – представляло любопытный образчик сохранившегося старинного русского самоуправления» [1, с. 372]. Сама Выгореция показывалась публицистом в виде двухсоставного общественного организма. Центром Выга являлся Даниловский монастырь вместе с рядом располагавшимися и зависевшими от него небольшими общинами, избами и скитами. Все вместе они составляли единую общину, «имевшую общее хозяйство и действовавшую во всем и всегда сообща». Вокруг центральной общины располагался так называемый Суземок – «совокупность отдельных, самостоятельных в хозяйственном отношении» деревень и сел. В делах внутреннего управления каждое поселение Выгореции также обладало полной самостоятельностью. Вместе с тем главную роль в управлении общин играли представители Данилова монастыря «как наиболее крупного поселения, представлявшего к тому же духовно-религиозный центр» [1, с. 361]. Тем не менее роль эта, в понимании Абрамова, «исключительно исполнительная». Представители монастыря могли действовать только в тех случаях, которые касались всей федерации старообрядческих поселений, и только тогда, когда решения по этим делам «были приняты и одобрены общими собраниями представителей всех Выгорецких скитов». Эти собрания проводились в Даниловском монастыре, куда являлись «выборные всей Выгореции». В каждом поселении все важные дела также разрешались на общих, «мирских» собраниях. Исполнение постановлений возлагалось на «особых выборных лиц». Кроме того, избирались и все должностные лица в Выгореции. Например, во главе Даниловской общины стоял выборный киновиарх. Он хотя и имел «громадное значение» и «большое влияние», все же «вполне» подчинялся общему собранию. Кроме киновиарха избирались нарядник, несколько казначеев, келарь, городничий, старосты, стряпчие и т. д. За каждым из них закреплялся строго определенный участок исполнительной работы [1, с. 372–375].

Экономический аспект в жизнедеятельности «пустынников» был представлен Абрамовым на примере хозяйства Даниловской общины. Главной его составляющей являлась коммунитарность. В общине «единственную личную собственность» ее членов составляло «носильное платье»; «все остальное было общим» [1, с. 378]. При распределении работ управляющие «стремились давать каждому труд по способностям и силам». При этом такая система распределения дополнялась весьма своеобразным компонентом, укреплявшим, по мнению публициста, общность староверов. Народник отмечал: «В Выгореции труд был обставлен такими условиями, чтобы он был возможно менее тяжелым. Так, здесь никогда не было такого порядка, чтобы какие-либо определенные работы исполнялись одними и теми же лицами. Напротив, здесь постоянно стремились к возможно большему разнообразию в труде». Один и тот же человек мог быть и пахарем, и извозчиком, ходить на рыбные промыслы, заниматься торговлею, попасть в старосты или казначеи. «Вследствие такого порядка, – продолжал Абрамов, – с одной стороны, труд не так скоро надоедал, как это бывает при его однообразии, а с другой – не могло быть поводов у членов общины считаться работами – кто больше сделал и чей труд более нужен и полезен». В итоге «обставленный такими условиями труд, а равно свобода и самостоятель-

ность под управлением «лучших» людей делали жизнь выговцев совсем не дурною» [1, с. 376]. Община имела солидный капитал, громадные хлебные запасы, кирпичный завод, мельницы и т. д. При этом богатство не развратило насельников Выгореции, «все появившиеся избытки они обратили на дела благотворения». Община кормила нищих, проезжих; в голодные годы снабжала хлебом всех окрестных крестьян; заботилась «о бедных и несчастных»; для стариков и вдов построила больницы [1, с. 366]. Материальное благополучие и практикуемая благотворительность разнесли славу о Выге по всему старообрядческому миру, что, в свою очередь, способствовало увеличению числа колонистов, «которые шли сюда с уверенностью, что здесь они ни в каком случае не пропадут и при всяком несчастье встретят помощь и поддержку». «А с увеличением населения Выгореции, – резюмировал народник, – увеличивались и ее рабочие силы, а стало быть росло и богатство» [1, с. 366].

Таким образом, можно констатировать, что публицистика Абрамова продолжила демократическую линию в историографии старообрядчества, заложенную А. П. Щаповым. Рассматривая старование прежде всего не как религиозное явление, а как социально-экономический и политический продукт русской жизни, народник смог органично вписать его в созданную им теорию «развития критической мысли». На примере истории старообрядчества Абрамов показал, что процесс возбуждения критического восприятия крестьянской массой окружающей действительности инициировался любыми трансформационными движениями в общественной жизни страны в том случае, если эти изменения так или иначе противоречили привычным для русского народа способам социальной и политической адаптации. В данном случае, в конгломерате «устоев» русского народа выделялась общинно-федеративная форма организации его жизнедеятельности. Давление на эти «устои» со стороны государственной власти вызвало появление старообрядчества на исторической арене, взявшего, таким образом, на себя роль выразителя «коллективной мысли» русского крестьянства и создававшего новые социальные формы жизни на основе творческого переосмысления исконно народных способов конструирования общественного пространства. На примере Выгореции народником было показано и направление работы «критической мысли», а именно стремление русского народа к созданию коммунитарных типов человеческого общежития, функционировавших в рамках федерации самоуправляющихся общин.

Список литературы

1. *Абрамов Я. В.* Выговские пионеры (к вопросу о роле раскола в деле колонизации России) / Я. В. Абрамов // Отеч. зап. – 1884. – № 3, отд. 1. – С. 89–126; № 4, отд. 1. – С. 347–384.
2. *Абрамов Я. В.* Программа вопросов для собирания сведений о русском сектантстве / Я. В. Абрамов // Отеч. зап. – 1881. – № 4, отд. 2. – С. 255–280; № 5, отд. 2. – С. 123–162.
3. *Абрамов Я. В.* Статистические экспедиции 50-х годов (Эпизод из истории раскола) / Я. В. Абрамов // Дело. – 1883. – № 9, отд. 1. – С. 130–145.
4. *Абрамов Я. В.* Уголок раскольничьего мира / Я. В. Абрамов // Устои. – 1882. – № 5, отд. 2. – С. 75–90.

5. Головки В. М. Культурно-историческое наследие Я. В. Абрамова как объект новой локальной истории / В. М. Головки // Гуманитар. и юрид. исслед. – 2016. – Вып. 1. – С. 191–196.

6. Головки В. М. Яков Абрамов: самоактуализация в художественном творчестве : монография / В. М. Головки. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2008. – 180 с.

7. Новак С. Я. Я. В. Абрамов – исследователь народной жизни / С. Я. Новак // За лучшую будущность России: к 150-летию со дня рождения Якова Васильевича Абрамова, общественного деятеля, публициста, критика : биобиблиогр. материалы / сост. М. В. Агаркова [и др.] ; отв. за вып. З. Ф. Долина ; СКУНБ им. М. Ю. Лермонтова. – Ставрополь, 2011. – С. 17–30.

8. Сажин Б. Б. Проблема религиозного сектантства в публицистике Я. В. Абрамова / Б. Б. Сажин // Вопросы отечественной истории : межвуз. сб. науч. работ молодых ученых. Вып. 7 / отв. ред. И. В. Сучков. – М. : МГОПУ им М. А. Шолохова, 2004. – С. 148–159.

The Old Believers Topic in Ya. V. Abramov's Publicist Writing

B. B. Sazhin

Comprehensive Secondary School "Karyera", Moscow

Abstract. The article is concerned with the understudied question in historiography about the role and place of Old Believers in Ya. V. Abramov's publicist writings, who is one of the reformed narodnik movement ideologists. The topic of Old Believers in Abramov's works is analyzed in the framework of the theory of "critical thought development" formulated by him in the early 1880s. The reasons for Abramov's turn to the theme of Old Believers, the main points of his theory of "critical thought development", and the place of Old Believers' component in it are given brief consideration. The component of philosophy of history in the writer's doctrine is provided insight into, whereby a key role of Old Believers in colonization model of forming the Russian state helped retaining traditional living principles as opposed to the serfdom system that became autocratically established since XVII century. Special attention is paid to social and economic mechanism of the activity of the Vygovsky monastery which became a model of "critical thought" development of the Russian people towards creation of communitarian types of human community.

Keywords: religion, Old Believers, Ya. V. Abramov, narodnik movement, theory of critical thought development, Vygovsky monastery.

Сажин Борис Борисович

*кандидат исторических наук,
преподаватель истории
Негосударственное частное учреждение
«Общеобразовательная организация
Средняя общеобразовательная школа
"Карьера"»
109387, г. Москва, Краснодарская ул., 11
тел.: 8(495)3500925
e-mail: Prug-1@yandex.ru*

Sazhin Boris Borisovich

*Candidate of Sciences (History), History
Teacher Comprehensive Secondary School
"Karyera"
11, Krasnodarskaya st., Moscow, 109387
tel.: 8(495)3500925
e-mail: Prug-1@yandex.ru*